

Б. Дугаров
Улан-Удэ

Бальмонт и буддийский восток: карма поэта

Буддизм, обозначивший себя в интеллектуальном ландшафте России во второй половине XIX века стал со временем в контексте общего интереса к Востоку явлением не только довольно распространенным, но и затрагивающим существенные аспекты духовной жизни русской интеллигенции. Эта тенденция проявилась с особой силой на рубеже XIX–XX веков в среде литераторов, посвятивших себя поискам «синтетической» духовности как плодотворного симбиоза древней мудрости Востока с достижениями европейской культуры. К этой плеяде художников слова, обладавших широтой поэтического видения и проявлявших глубокий интерес к восточным культурам, принадлежал Константин Бальмонт, один из лидеров русского символизма. В его лире отчетливо звучала индийская струна, вобравшая в себя многовековое эхо евразийского духовного пространства. Вместе с тем восточный акцент в произведениях поэта воспринимается как дань тому времени, в котором он жил и творил.

Бальмонту принадлежат известные, часто цитируемые строки:

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи...

Думается, поэт имел в виду прежде всего свои творческие изыскания в сфере поэтики. Если же говорить применительно к восточной теме, а именно к Индии и буддизму, Бальмонт прекрасно осознавал, что и на индобуддийской стезе у него тоже были предшественники в русской поэзии. Начиная со второй половины 1880-х годов, прослеживаются буддийские мотивы в стихах Семена Надсона («Три ночи Будды», «Три встречи Будды»), Дмитрия Мережковского, о котором отдельно будет сказано ниже, Великого князя К.К. Романова, печатавшегося под поэтическим псевдонимом К. Р., (поэма «Буд-

да»), тень лотоса осеняла и лирику Мирры Лохвицкой. В стихотворном потоке 1890-х годов обозначается волна, которая характеризуется «буддийским настроением», как определил эту «нирваническую» тенденцию В.С. Соловьев на примере поэтических опытов А.А. Голенищева-Кутузова.¹

Особо следует сказать об Иннокентии Анненском, создавшем цельное, пронизанное собственным оригинальным мироощущением поэтическое произведение, каковым является «Буддийская месса в Париже». В нем совершенно очевидно звучит медитативный буддийский мотив, который отражает как бы новую восточную грань в русской поэзии на рубеже веков – попытку ответа на вызовы времени.

Предтечей же буддийского направления в русской поэзии, проникнутой ориенталистским духом и особенно ярко выразившейся в творческих исканиях поэтов Серебряного века, является, на наш взгляд, Дмитрий Мережковский. Им в период 1886–1888 годов созданы образцы художественной интерпретации буддийских мотивов и текстов, в целом представляющие своеобразный цикл стихотворений и поэм – оригинальных, переводных и поэтических переложений. В этом цикле следует выделить поэму «Сакья-Муни», в которой впервые в русской поэзии предстает образ Будды в оригинальной авторской трактовке. Также заслуживает внимания «Песнь баядер» – мастерский перевод из «Лалитавистары», древнеиндийской сутры о жизни Будды.

Бальмонт, чей литературный дебют состоялся в 1885 году публикацией в «Живописном обозрении», закрепленный изданием в 1890 году первого его «Сборника стихотворений», в котором доминировали традиционные «надсоновские» образы и мотивы, характерные для поэтической стилистики 1880-х годов, несомненно, был знаком с индубуддийским вектором творческих поисков Д. Мережковского, оказавшего заметное влияние на «буддийские настроения» в русской поэзии. Не случайно ему посвящает Бальмонт, уже целенаправленно определивший свои восточные приоритеты, цикл стихотворений в сборнике «Будем как Солнце» (М., 1903), в которых есть знаменательные строки:

Я полюбил индийцев потому,
Что в их словах – бесчисленные зданья,
Они растут из яркого страданья,
Пронзая глубь веков, меняя тьму.

По всей видимости, это был ответ своему старшему современнику, имплицитно содержащий признание его заслуг как автора популярных тогда стихотворений «Нирвана» и «Будда».²

Именно в индийской палитре Бальмонта прослеживаются «черты» буддийского направления в русской поэзии, обозначенного в раннем творчестве Д. Мережковского – не только его оригинальными стихами, но и, главным образом, поэтическими переложениями и переводами. В целом они составляют довольно значительный стихотворный объем, при этом тематически разнообразны, раскрывающие различные грани образа Будды и особенности его вероучения. В совокупности эти произведения представляют примечательную страницу в творчестве поэта, в своих духовных странствиях по временам и культурам еще в юношеские годы прикоснувшегося к буддизму. Следует подчеркнуть, что Мережковского и Бальмонта сближают не столь сами авторские стихи, сколько их переводческая деятельность, открывавшая русской словесности окно в мир древнеиндийской литературы и знакомившая читателя с наиболее выдающимися произведениями буддийской поэзии.

В этом отношении особенно показательной является поэма «Песнь баядер», опубликованная в первом номере журнала «Вестник Европы» в 1887 году под заглавием «Бодизатва» («Бодхисатва»). Современники считали эту поэму оригинальным произведением, но Мережковский сам развеял это заблуждение, дав понять, что источником перевода поэмы служит сутра «Лалитавистара» (II в. н. э.). Для своего поэтического переложения поэт берет один из красочных эпизодов сутры, где описывается Будда в окружении танцующих и поющих баядер, приглашенных его отцом раджой, чтобы отвлечь сына от мыслей о бренности всего сущего и безмерности человеческих страданий, – мыслей, которые одолевали его после трех знаковых встреч – со стариком, больным и мертвецом. Поэма «Песнь баядер» представляется наиболее цельной по своему буддийскому содержанию, сам поэт ценил свой поэтический перевод из «Лалитавистары» и включал его под заглавием «Будда» во все свои собрания.

В отличие от своего предшественника Бальмонт обращается к переводу наиболее полной канонической версии биографии Будды, изложенной в поэтической форме древнеиндийским поэтом Ашваг-

хошей в поэме «Буддхачарита» («Жизнь Будды») и полностью ее переводит на русский язык. Эта огромная работа явилась результатом многолетнего постижения поэтом духовной культуры Индии еще с молодости, благодаря путеводному стечению обстоятельств. В 1897 году во время пребывания в Англии тридцатилетний Бальмонт познакомился с Максом Мюллером (1823–1900), известным ученым-востоковедом, посещавшим его лекции по русской литературе в Оксфордском университете. «Встречи с одним из корифеев мировой индологии, выдающимся санскритологом, блестящим знатоком литературы и религии Древней Индии не могли не оказать влияния на молодого поэта», – отмечает известный российский индолог Г. Бонгард-Левин. Общение с М. Мюллером побудило молодого поэта обратиться к его востоковедческим трудам, в частности к переводам ведийских гимнов, изданным в Оксфорде (1891).³ Это было первое знаковое знакомство Бальмонта с письменными памятниками индийской культуры, приоткрывшими ему завесу над знаменитой серией – «Священные книги Востока», созданной его наставником Максом Мюллером и ставшей для поэта своего рода маяком в море ориенталистской литературы. Работа над источниковыми текстами в английских переводах Макса Мюллера, а также Г. Ольденберга обнаружила в поэте исследовательскую жилку, которая способствовала углубленному изучению древнеиндийской классики, что позволило ему в начале 1900-х годов самому приступить к переводу гимнов «Ригведы» и сказаний упанишад на русский язык. Эти переводы составили целый раздел, посвященный Индии, в сборнике, подготовленном и изданном Бальмонтом под названием «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» (СПб., 1908).

Что касается авторских стихотворений Бальмонта, наиболее отчетливо индийская тема выступает в поэтическом сборнике «Горящие Здания. Лирика современной души» (М., 1900). Об этом свидетельствуют стихи, составившие цикл под названием «Индийские травы» – цикл, насыщенный древними мотивами духовной и культовой поэзии, в которых переплетаются отголоски индийских религий, в том числе буддизма, имеющих общую мировоззренческую основу. Показательным в этом плане является стихотворение «Майя», содержащее образы вселенской иллюзии, исходящие из Упанишад и воспринятые буддийской философией.

При сравнении оригинальных поэтических произведений Бальмонта с его переводами древнеиндийских текстов обнаруживается их несомненная внутренняя перекличка. Этот творческий синтез поэта и переводчика в одном лице как ответ на «зовы времен отшедших» плодотворно воплотился в работе над переводом поэмы «Буддхачарита» («Жизнь Будды») Ашвагхоши, ставшем органичным продолжением разработки индийской темы, близкой духовному настрою самого Бальмонта. Необходимо отметить, что буддийский этап, обозначившийся в многогранной переводческой деятельности Бальмонта, оказался тесно связанным с именем видного ориенталиста, академика Франции Сильвена Леви (1863–1935) – второго, после Макса Мюллера, профессионального наставника поэта в области индологии. Как говорит восточная мудрость, учитель появляется тогда, когда созревает ученик.

Роль французского санскритолога, лучшего в то время знатока творчества Ашвагхоши, «в подготовке перевода поэмы была очень велика», – пишет Г. Бонгард-Левин. Документы свидетельствуют, что С. Леви не только ввел переводчика «в мир Ашвагхоши и буддизма», но и обсуждал с ним различные теоретические проблемы, давал необходимые разъяснения, помогал в трактовке сюжетов, реалий, терминов.⁴ Сама биография Ашвагхоши, который считается «самым сложным гением Индии»,⁵ и значимость его творчества вызывала у Бальмонта глубокий и искренний интерес.

Приступая к работе над переводом поэмы, Бальмонт углубленно изучал и буддологические труды. Мечта не раз уносила его мысленно в древнюю Индию, страну «первичных поэтов», к которым он относил Ашвагхошу (в транскрипции Бальмонта – Асвагоша), жившего на заре I-го тысячелетия. Думается, не случайно маршрут своего грандиозного путешествия, предпринятого в феврале 1912 года и продолжавшегося одиннадцать месяцев с посещением Южной Африки, Австралии, Новой Зеландии, Самоа, Фиджи, Новой Гвинеи, Явы, Суматры, Бальмонт завершает в Цейлоне и Индии – исторической родине Будды. Примечательно, что во время своей заморской одиссеи поэт продолжал интенсивно работать над переводом поэмы Ашвагхоши.

Бальмонта повсюду сопровождал образ Будды. Он пишет о «священном дереве Бодхи, под тенью которого Сакьямуни достиг обладания

истиной» и которое «живет до сих пор, внушая всем, кто к нему приближается, мысли, отмеченные спокойной мудростью».⁶ Ему видится, что лик Будды проступает на просторах Индии – как «Освобождающий Свет Понимания».⁷ Для него было первостепенно важным посетить Бенарес, вблизи которого Будда произнёс свою первую проповедь, обозначившую «поворот колеса Дхармы». Не здесь ли, осененный памятью об этом священном для всех буддистов месте, родился под пером Бальмонта перевод 15 главы – «Вращенье колеса» – поэмы Ашвагхоши. В ней описывается путь Будды после обретения им Просветления – в сторону Бенареса, там, где «реки сливались, мерцают: / Варана – имя прохладной, / Имя пленительной – Ганг» и где Будда впервые изложил учение о «четырех благородных истинах» и восьмеричном «благородном пути», составивших его первую проповедь.

... Мир ослепленный не видит,
Я же мой путь увидал.
Я прекращаю теченье
Токов, несущих страданье.
Истин высоких – четыре.
Мысля о них, ты спасен.
Это есть з н а н и е скорби,
Это есть – срезать причину,
Во избежанье завязок
В сложных узлах бытия.
...С уничтоженьем смятенья
Восемь открылось путей.⁸

Под небом Индии слагаются стихотворения, отразившиеся в сборниках «Белый Зодчий (Таинство Четырех Светильников)» (1914) и «Ясень» (1916). В них поэт обращается к образу Будды, который передается в традиционной манере, исходящей из буддийских канонических представлений: «спокойный, мудрый, просветленный», со взглядом полузакрытых глаз, устремленным «внутри души»⁹ и созерцающим земную реальность как зыбкий поток сансарических явлений. При этом поэт вносит лирическую ноту в личностном восприятии Просветленного:

Как привет «Отдохни» иноверцу,
Как горящая тихо лампада, –

Он дает утомленному сердцу
Все, что сердцу взметенному надо.¹⁰

Многое дают для понимания отношения поэта к Индии и буддийской культуре его дневниковые записи, они дополняют поэзию Бальмонта и нередко воспринимаются как стихотворения в прозе. Например, лирическая миниатюра или этюд «Малое приношение» – о величественном буддийском храме Боробудуре, «где дышат воскресения и, молитвенно брошенные, лежат на камне цветы»¹¹ перекликается со стихотворением «Боро-Будур», завершающемся торжественной строкой: «Жив навек – Просветленный».¹²

Путешествие обогатило поэта духовно, его впечатления выплеснулись в стихотворения, заметки и творческие планы. В пути он достиг главного результата, в чем он признался по возвращению в Россию в мае 1913 года, отвечая на вопросы корреспондентов о цели его кругосветного путешествия: «В Индии мне удалось сделать большую работу – перевести русскими стихами древнюю санскритскую поэму “Жизнь Будды” поэта Асвагоши».¹³

Действительно, работа была проделана значительная, причем не в тиши кабинета, а можно сказать, в «полевых условиях» во время путешествия, которая была возможна только благодаря исключительной работоспособности Бальмонта и увлеченности поэмой Ашвагоши «Буддхачарита». Это солидное по объему эпическое полотно, насчитывающее в русском переводе около 10 тысяч поэтических строк, представляет собой многозвучный гимн основателю буддийского вероучения, чей Срединный путь, зародившись на берегах Ганга, стал судьбоносным для многих народов Азии.

Бальмонт, погружаясь в поэтический мир Ашвагоши, передает образ Будды как земного человека, наделенного мудростью и благостью. Эта человечность Учителя сближает и роднит его с людьми, мятущимися от своих страстей, слабостей и горестей, которым он несет избавление от страданий, внушает веру и надежду. Присущая индийской поэзии лиро-эпическая традиция, которой следует в своем переводе Бальмонт, наполняет симфоническим дыханием все двадцать восемь песен поэмы, завершающихся в эпилоге «хором благословений, славящих нирвану».

Поэма Ашвагоши в переводе Бальмонта увидела свет в 1913 году в очередном выпуске «Памятников мировой литературы» – в

издательстве М. и С. Сабашниковых, с которыми поэта связывали давние творческие и деловые отношения и которые поддержали его давнее желание «за передачу стихотворных подлинников стихами же».¹⁴ Выход поэмы Ашвагхоши получил высокую оценку критики. Так, незамедлительно откликнулся обстоятельной рецензией В. Брюсов, который увидел в этом издании «ценный подарок», преподнесенный русской литературе и восполняющий пробел в знании «поэзии индусов и священных письмен буддистов», важных как по их высокой художественной ценности, так и «по громадному историческому значению буддизма».¹⁵ Авторитетный рецензент счел необходимым подчеркнуть, что «многое из того, что, при передаче в современных философских терминах, кажется нам повторением давно известного, здесь, в поэме, будучи воплощено в художественных образах, приобретает всю яркость новизны и открывает мысли новые кругозоры», в чем видится, на взгляд Брюсова, заслуга переводчика, его умение «находить слова яркие и выразительные, говорить сжато и метко».¹⁶ К вышесказанному представляется уместным добавить мнение современного буддолога В.П. Андросова, который отмечает, что Бальмонту удалось в ряде эпизодов «намного точнее отразить значения и смыслы буддийской поэзии (но не догматики)», при этом «поэтично и очень красочно передать по-русски».¹⁷

Воодушевленный изданием поэмы Ашвагхоши, поэт переводит на русский язык драмы Калидасы (V в.), еще одного светила древнеиндийской литературы. Индия напоминает о себе и в переводах лирики и философских афоризмов замечательного поэта Бхартрихари (VI–VII вв.), опубликованных Бальмонтом в «Северных записках» (1914, № 10–11 и 1915, № 1). Индийская культура оказалась необычайно притягательной и духовно близкой поэту, она явилась источником, питающим его вдохновение. Не об этом ли признательные строки Бальмонта: «Когда я думаю об Индии, в ее прошлом и в ее, теперь означаемом, освободительном будущем, мне кажется, что я чувствую бесчисленные крылья в Воздухе».¹⁸ И рождались такие проникновенные стихи: «Свет мой, Индия, святыня, девственная мать...».¹⁹

Безусловно, в личности Бальмонта и его горячей приверженности индийской теме наиболее органично выразился интерес русской общественности к Востоку, интенсивно проявившийся в период кон-

ца XIX – начала XX века. Многие представители Серебряного века (И. Анненский, И. Бунин, Андрей Белый, В. Хлебников, М. Волошин и др.) в духовных и творческих поисках обращались к обширному философскому и культурному наследию Индии, в том числе буддизму. Однако отличие бальмонтовского подхода состояло не только в необычайной широте его интересов, но и в личной сопричастности индийской культуре.²⁰ В этом проявилась, говоря на языке буддизма, его кармическая связь с Индией, которую осознал и сам поэт. «Мне явственно кажется, – писал Бальмонт, – что очень давно я уже много раз был и в Стране Мечты, и в Стране Мысли <так он называет Индию. – Б. Д.>, что я лишь в силу закона сцепления причин и следствий, волею сурового закона Кармы попал в холодный сумрак Севера, и огненные строки поют во мне».²¹

Не эта ли кармическая связь со страной – колыбелью буддизма дала осуществить именно Бальмонту перевод «Буддхачариты» Ашвагхоши – шедевра древнеиндийской литературы. Не об этом ли свидетельствуют сопутствующие жизненные обстоятельства, сводившие поэта с наставниками – выдающимися индологами, направлявшими его на стезе постижения индийской культуры. Не тень ли самого Гаутамы следовала за ним в Индии, осеняя его поэтические прозрения. Действительно, Бальмонт оказался достоин своего высокого предназначения, и грандиозная поэма Ашвагхоши в переводе вдохновенного русского поэта обогатила отечественную словесность древним дыханием буддийского Востока.

¹ Соловьев В.С. Буддийское настроение в поэзии // *Он же. Философия искусства и литературная критика*. М., 1991. С. 425–465.

² Бонгард-Левин Г.М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 49.

³ Там же. С. 45.

⁴ *Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы*. Перевод К. Бальмонта. Автор введен., вступ. ст. и очерков Г. Бонгард-Левин. М., 1990. С. 13, 277.

⁵ *Асвагоша. Жизнь Будды*. Перевод К. Бальмонта со вступительной статьей Сильвэна Леви. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. С. XVI.

⁶ *Бальмонт К. Избранное*. Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1991. С. 518.

⁷ Там же. С. 525.

⁸ *Асвагоша. Жизнь Будды*. С. 163, 170–171.

⁹ *Бальмонт К. Белый Зодчий. Таинство Четырех светильников*. СПб.: Сириус, 1914. С. 309–310.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ *Бальмонт К. Избранное*. Стихотворения. Переводы. Статьи. С. 568.

¹² *Бальмонт К.* Белый Зодчий. Тайнство Четырех светильников. С. 267.

¹³ *Ашвагхоша.* Жизнь Будды. *Калидаса.* Драмы. С. 20.

¹⁴ *Шервинский С.В.* Памятники мировой литературы // Издательству М. и С. Сабашниковых. К 35-летию деятельности. М., 1926. С. 34.

¹⁵ *Брюсов В.Я.* Асвагоша. Жизнь Будды. Перевод К. Бальмонта, со вступительной Сильвана Леви. Памятники мировой литературы. Издательство М. и С. Сабашниковых. М., 1913 // Русская мысль. 1913. Кн. XI. Ноябрь. С. 413.

¹⁶ Там же. С. 413–414.

¹⁷ *Андросов В.П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М., 2011. С. 49.

¹⁸ *Бальмонт К.* Белые Зарницы. Мысли и впечатления. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1908. С. 41–42.

¹⁹ Там же. С. 41.

²⁰ *Ашвагхоша.* Жизнь Будды. *Калидаса.* Драмы. С. 26.

²¹ *Бальмонт К.* Белые Зарницы. Мысли и впечатления. С. 20.